

Об Анатоле Франсе. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Об Анатоле Франсе. Максим Горький

На вопрос: что наиболее характерно и выгодно для Франции отличает дух её от духа других наций? – я ответил бы: мысль француза почти совершенно чужда фанатизма, и точно так же ей чужд пессимизм; французы-скептики кажутся мне учениками не Протагора и Пиррона, но – Сократа.

Сократ, как известно, поставил границы "суетному увлечению софистов страшной мощью разума", введя в анархическое буйство мысли, разрушавшей "ходячие истины", начало этики и установив, что объективная истина достижима волею человека при условии совершенной свободы мышления, направленного к самопознанию и познанию мира.

Разумеется, вполне возможно, что я знаю мало по истории духовного развития Франции и что мои суждения ошибочны. Но то, что я знаю, рисует мне гений француза счастливо лишённым фанатической и холодной самоуверенности, лишённым деспотического стремления непоколебимо, на века установить те или иные догматы, вогнать мысль в узкое русло той или иной системы и с придирчивой жестокостью инквизитора охранять неприкосновенность догматов и систем. Мне кажется, что прокрустово ложе, любимая мебель педантов, насилующих свободу познания, – эта мебель никогда не пользовалась во Франции особенной популярностью. И я нахожу как нельзя более естественным, что именно француз сказал:

"Мыслью, значит – существую".

Начиная с Рабле и Монтеня, который через века подаёт руку Вольтеру, скептицизм французов, в согласии с Сократом, утверждал необходимость просвещения. Рабле, устами "оракула бутылки", дал людям совет изучать природу, подчиняя её силы интересам человека, Монтень именует "шарлатанством" философию, которая "прячется от людей".

Не помню ни одной весёлой улыбки Джонатана Свифта, но монах Рабле умел смеяться, как никто не умел до него, и по сей день, вплоть до "Кола Брюньон" Ромэна Роллана, смех Рабле не умолкает во Франции, а хороший смех – верный признак духовного здоровья.

В других странах мы видим пессимистов-философов, пессимистов-поэтов, но я различаю пессимизм человека, который, чувствуя себя оскорблённым безуспешными поисками гармонии в мире и в себе самом, страстно проклинает и себя и мир; я различаю этот вид пессимизма от безнадежной покорности пыткам духа и тела, столь обильным в мире нашем и требующим уничтожения. Поэтому я принимаю пессимизм Бодлера, но мне чуждо мрачное подчинение Ленау злему хаосу фактов. И я очень люблю повторять презрительные верные слова Бальзака: "Глупо, как факт".

Может быть, следует указать и на то, что о "закате Европы", о гибели европейской культуры меньше всего говорят и пишут во Франции.

Допустимо, что эти сопоставления, которые можно легко развить и расширить на все стороны жизни, читателю покажутся излишними, но, думая о гении Анатоля Франса, невозможно умолчать о духе наций. Как Достоевский и Толстой, каждый по-своему, показали с полнотою, совершенно исчерпывающей, душу русского народа, так, для меня, Анатоль Франс всесторонне и глубоко связан с духом своего народа. Вероятно, с русской стороны мне возразят против такого уравнивания, но это был бы спор о вкусах. И к тому же я сравниваю не эстетические величины, а лишь степень полноты, с которой выражен дух той или иной нации, а с этой точки зрения Анатоль Франс для меня совершенно равен величайшим гениям всех стран. К этому следует прибавить, что духовно здоровый человек кажется нам человеком несколько упрощённым, что весьма ошибочно, вредно и свидетельствует только об искажении вкуса к жизни.

Я не стану говорить о красоте мысли Анатоля Франса, и, не зная его языка, я принужден молчать об изящной силе и богатстве его слова, хотя эти достоинства вполне ясно чувствуются даже в русских переводах его книг. Меня Анатоль Франс прежде всего изумляет своим мужеством и духовным здоровьем; поистине, это идеально "здоровый дух в здоровом теле". Он прожил жизнь свою в трудное время

Об Анатоле Франсе. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
великих социальных катастроф, и я не помню, когда его зоркий разум ошибался в оценке событий, хотя должен сказать, что мне не вполне ясно, как связан его отношение к войне с отношением к идее коммунизма. Он в совершенной степени обладал сдержанностью аристократа духа, эта благородная сдержанность никогда не позволяла ему увеличивать печаль мира сего жалобами на людей и заявлениями о личных страданиях своих, а ведь несомненно, что этот удивительный человек страдал много и не только тогда, когда он мужественно работал над такой книгой, как "Остров пингвинов". В маленькой заметке "О скептицизме" он передаёт рассказ Иоанна Дякона:

Когда святой Григорий плакал при мысли о том, что император Траян осуждён навеки, бог избавил душу Траяна от вечных мучений: душа осталась в аду, но с этого времени не испытывала там ничего дурного.

Живя в грязном аду, так искусно, так образцово устроенном командующими классами Европы, Анатоль Франс, человек, внешне похожий на сатира и обладавший великой душой античного философа, изумительно зорко видел и чувствовал всё "дурное". Его большой нос ощущал все смрадные запахи ада, как бы тонки они ни были, и, как Сократ, Анатоль Франс и любил и умел открыть плохое в том, что ходячее мнение признавало хорошим. Его отношение к печальному "делу Дрейфуса", письмо по поводу травли Поля Маргерита и многое другое достаточно убедительно говорит, что безразличное отношение к людям и миру было совершенно чуждо скептицизму Анатоля Франса. Восхищаясь Пирроном, он находил учение древнего скептика "моральным учением".

И никто не чувствовал так хорошо относительность наших понятий о добре и зле: в рецензии на книгу Гюи де-Мопассана "Pégge et Jean" он с мягкой иронией мудреца назвал "невинной" привычную людям тенденцию принимать относительное как абсолютное. В данном случае термин "невинность" по-русски звучит, как "наивность".

Он был твёрдо убеждён, что "мы знаем лишь одну реальность - нашу мысль. Это она творит мир". Он религиозно и неуклонно верил только в одну истину - красоту. В рецензии на книгу господина Бурдо, озаглавленной "Грехи истории", он сказал словами, отлитыми из чистого золота:

Если б мне нужно было выбирать между истиной и красотой, я не колебался бы: я бы оставил себе красоту в полной уверенности, что она заключает в себе истину, более высокую и более проникновенную, нежели сама истина.

Этикой Анатоля Франса была эстетика - этика будущего. Он в справедливости видел прежде всего красоту, мудро предчувствуя, что жизнь людей будет справедлива лишь тогда, когда её насытит красота. На мой взгляд, он и мысль ценил так высоко именно потому, что для него она являлась одним из наиболее совершенных воплощений красоты духа человеческого. Но он никогда не чувствовал себя орудием мысли, существом, подчинённым ей, мысль не являлась для него фетишем, и разум не был идолом его.

Анатоль Франс для меня - владыка мысли, он родил, воспитывал её, умел эффектно одеть словом, элегантно и грациозно выводил в свет весёлой, живой, иронически, но беззлобно улыбающейся. Он управлял её капризными играми с лёгкостью гениального музыканта, который дирижирует оркестром, где все исполнители считают себя первоклассными талантами и субъективны до анархизма.

Разум, как всё в этом мире, стремясь к покою, слишком часто, торопливо и самонадеянно утверждает догматы, теории, системы, затрудняя этим свободу дальнейшей работы мысли над углублением и расширением наших понятий. Мне часто казалось, что Анатоль Франс видит разум физически воплощённым в существо странной формы: голова и гневное лицо Абадонны на теле крылатого паука, который торопливо стремится оплести, связать человека крепкой паутиной различных истин и этим поработить волю человека к познанию мира. Анатоль Франс иронически улыбался, видя это стремление части поработить сложное целое.

Если Анатоля Франса можно назвать рационалистом - это был рационалист, который дрессировал разум, как льва и змею. Он любил играть с ним и спорить, он его дразнил и раздражал. С простотой, которую я бы назвал изощрённой, он постоянно указывал разуму на непрочность истин, утверждаемых им. Особенно сильны были удары логики Франса по толстой и грубой коже "ходячих истин". Я не помню ни

Об Анатоле Франсе. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
одной, которой не коснулась бы справедливо прославленная ирония великого француза. И всегда всё то, о чём рассуждал аббат Куаньяр, о чём говорили у "Королевы Педок", обращалось в прах, обнажая непрочные, часто уродливые каркасы бумажных истин.

Мне кажется, я слышу, как Анатоль Франс, ни на минуту не теряя уважения к разуму, своему партнёру в игре, говорит ему со всею присущей французу любезностью:

"О да, вы, *Seigneur*, поистине велики, вы бесспорно великолепны, но, несмотря на ваш почтенный возраст, вы всё ещё слишком молоды, и абсолютное совершенство далеко от вас. Вы хорошо бунтуете, да, но мне кажется порою, что ваш бунт возбуждён вашим стремлением успокоить себя в уютном гнезде истины, и вы едва ли вообще способны к покою, хотя и желаете этого. Слишком многое начато вами, и нужно ещё больше, ещё более дерзко работать, предпочитая грубой ковке догматов творчество гипотез".

Излишне говорить о том, что в короне славы Франции, страны, которую трудно удивить талантом, имя Анатоль Франс будет сверкать века.

Те, кто решили написать над местом успокоения мудрого человека лаконические слова

А н а т о л ь Ф р а н с

решили мудро. Эти слова вполне исчерпывают значение человека, который, обогатив наш мир сокровищами своего таланта, ушёл от нас затем, чтоб нам легче было всесторонне понять и оценить его творчество и обаятельный образ его.

ПРИМЕЧАНИЯ

Напечатано в журнале "Красная новь", 1927, номер 5, май.

Статья написана в связи со смертью А.Франса. На русском языке отрывок из неё впервые был опубликован в "Красной газете", 1925, номер 98, 26 апреля (вечерний выпуск).

Выдающийся прогрессивный писатель Франции Анатоль Франс (1844–1924) привлекал к себе внимание М.Горького на протяжении многих лет. В 1906 году М.Горький послал ему письмо–обращение.

Имя Анатоля Франса часто встречается в статьях и письмах М.Горького, главным образом двадцатых – тридцатых годов. М.Горький говорит об остром уме А.Франса, об изумительной тонкости его пера; он высоко ценит критику капиталистической Франции, развёрнутую в произведениях Франса, называет его "Современную историю" самой сильной и безжалостной книгой XX века (Архив А.М.Горького). В статье 1929 года "Молодая литература и её задачи" М.Горький писал: "Анатоль Франс не оставил ни одной из основных идей буржуазного государства, – не показав, как противоречив, лицемерен и бесчеловечен их смысл..." (см. том 25 настоящего издания). В статье "Цели нашего журнала" (1930) М.Горький включил Франса – наряду со Свифтом, Рабле, Вольтером, Байроном, Теккереем, Гейне, Верхарном – в группу западных писателей, которые были "безукоризненно правдивые и суровые обличители пороков командующего класса".

Наряду с этим М.Горький отмечает и отрицательные черты в творчестве А.Франса. Наиболее суровая оценка дана в черновом варианте статьи "Разрушение личности" (1908), где М.Горький назвал Франса "холодным и безжизненным красавцем". М.Горький критиковал "элегантный" скептицизм и эпикурейство Франса (Архив А.М.Горького).

Отношение М.Горького к Франсу изменялось на протяжении десятилетий в сторону всё более высокой оценки его творчества.

В авторизованные сборники статья "Об Анатоле Франсе" не включалась.

Печатается по тексту журнала "Красная новь", сверенному с рукописью (Архив А.М.Горького).

Об Анатоле Франсе. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
"Мысль, значит – существую"

– положение французского философа Р.Декарта.

Рабле, устами "оракула бутылки" дал людям совет...

– имеется в виду эпизод из романа "Гаргантюа и Пантагрюэль" французского писателя эпохи Возрождения Ф.Рабле.

...о "закате Европы"...

– подразумевается книга немецкого реакционного философа-публициста О.Шпенглера "Закат Европы".

Его отношение к печальному "делу Дрейфуса"...

– имеется в виду дело о французском офицере, еврее Альфреде Дрейфусе, который 10(22) декабря 1894 года был приговорён военным судом к пожизненной ссылке на Чортов остров по обвинению в шпионаже (передаче Германии секретных военных документов). Вскоре обнаружилось, что Дрейфус был осуждён на основании подложных документов, сфабрикованных подлинным изменником майором Эстергази. Французский генеральный штаб и военное министерство, сознательно направившие дело по ложному пути, а также правительство

республики всемерно противились пересмотру неправильного приговора. В то же время они разжигали антисемитские и шовинистические настроения и совершали всё новые и новые подлоги и подтасовки. 30 декабря 1897 года (11 января 1898 года нового стиля) настоящему виновнику преступления, майору Эстергази, военный суд вынес оправдательный приговор, а полковник Пикар, разоблачивший этого шпиона, был арестован, посажен в тюрьму и затем выслан из Франции. Эстергази же помогли скрыться за границу.

1 (13) января 1898 года французский писатель Эмиль Золя в газете "Аврора" выступил с открытым письмом к президенту республики, озаглавленным "Я обвиняю". В этом письме Золя открыто обвинял поименно ряд лиц, а также генеральный штаб и военное министерство в целом ряде преступных действий, совершённых в связи с "делом Дрейфуса". Мужественное выступление Золя против военщины, антисемитизма и национализма вызвало широкий отклик во Франции и во всём мире. Всё прогрессивное человечество было на стороне Золя и выражало ему горячее сочувствие в письмах и телеграммах. Однако Золя был привлечён к суду за "клевету", и суд присяжных под давлением военщины и правительства 11 (23) февраля 1898 года приговорил его к одному году тюремного заключения и штрафу. Чтобы избежать тюрьмы, Золя вынужден был некоторое время скрываться за границей.

Дело Дрейфуса пересматривалось дважды. В 1899 году военный суд в Ронне, под давлением военной партии, вновь признал Дрейфуса виновным, но он был помилован президентом. Лишь в 1904 – 1906 годах высший кассационный суд полностью отменил оба приговора военного суда, и Дрейфус был восстановлен во всех правах.

...Поля Маргерита...

– надо: Виктора Маргерита.

В маленькой заметке "О скептицизме"...

– см. А.Франс "Книги и люди", М.-Л. 1923.

В рецензии на книгу Гюи де-Мопассана...

– имеется в виду статья А.Франса "Гюи де-Мопассан", см. в упомянутом

Об Анатоле Франсе. Максим Горький gorkiymaxim.ru

выше сборнике "Книги и люди".

В рецензии на книгу господина Бурдо...

- имеется в виду статья А.Франса "Les torts de l'histoire" о книге L.Bourdeau "L'histoire et les historiens", Paris, 1888. Статья Франса была опубликована в газете "Temps", 1888, 13 мая. В переводе на русский язык опубликована под заглавием "Грехи истории" в сборнике статей А.Франса "Книги и люди", М.-Л. 1923.

...о чём рассуждал аббат Куаньяр, о чём говорили у "Королевы Педок"...

- имеются в виду произведения А.Франса: "Харчевня королевы Педок" (более поздние переводы заглавия: "Харчевня королевы Гусиные Лапки" или "Харчевня королевы Гуселапы") и "Суждения господина Жерома Куаньяра".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!